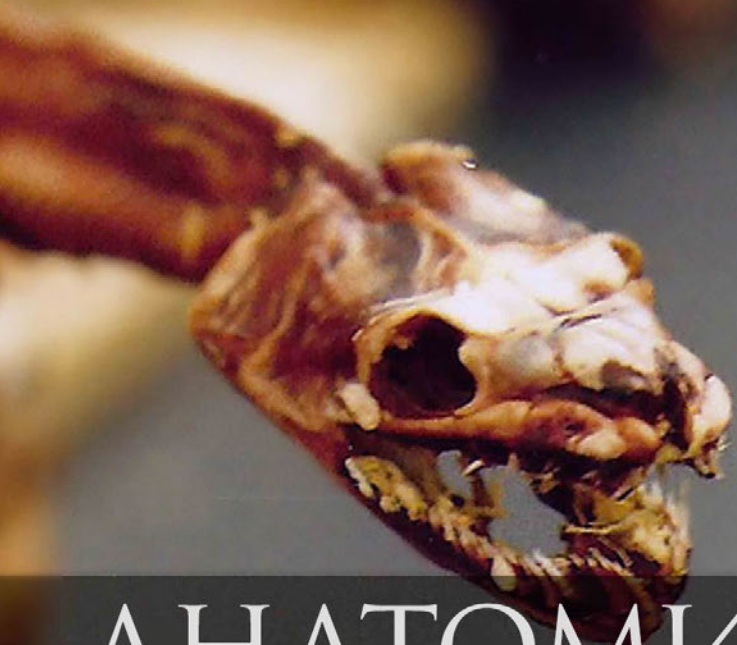

МЮРРЕЙ РОТБАРД

АНАТОМИЯ
ГОСУДАРСТВА

ANATOMY
OF THE STATE

MURRAY N. ROTHBARD

LvMI

MISES INSTITUTE

© 2009 Институт Людвиг фон Мизеса.
Опубликовано по лицензии
Creative Commons Attribution License 3.0.
<http://creativecommons.org/licenses/by/3.0/>

Ludwig von Mises Institute
518 West Magnolia Avenue
Auburn, Alabama 36832
www.mises.org

ISBN: 978-1-933550-48-0

Перевод на русский выполнен коллективно
на сайте translatedby.com участниками:
Knivy, Anarchofront, Jantra
при содействии Matimatik, Karbofoss80.

*Величайшая угроза государству —
независимая интеллектуальная
критика.*

Мюррей Н. Ротбард

Содержание

<i>Чем государство не является</i>	<i>1</i>
<i>Что такое государство</i>	<i>8</i>
<i>Как государство защищает себя</i>	<i>17</i>
<i>Как государство преодолевает ограничения</i>	<i>40</i>
<i>Чего государство боится</i>	<i>66</i>
<i>Как государства относятся друг к другу</i>	<i>72</i>
<i>История как соревнование между властью государства и властью общества</i>	<i>83</i>

ЧЕМ ГОСУДАРСТВО НЕ ЯВЛЯЕТСЯ

Почти повсеместно государство считается учреждением, которое предоставляет общественные услуги. Некоторые теоретики поклоняются Государству, как апофеозу общества; другие считают его дружелюбной, хотя зачастую и неэффективной организацией для достижения общественных целей; но почти все считают его необходимым средством достижения целей человечества, средством, которое противопоставляется "частному сектору" и часто побеждает в этой конкуренции за ресурсы. С распространением демократии отождествление

государства с обществом удвоилось, дошло до того, что часто звучат мнения, которые нарушают буквально все основы разума и здравого смысла, такие как "мы и есть правительство". Удобный собирательный термин "мы" позволил накинуть идеологический камуфляж на реальность политической жизни. Если "мы и есть правительство", тогда, как бы правительство не поступало по отношению к индивиду, — это не только справедливо, но также и "добровольно" со стороны данного индивида. Если правительство имеет огромный государственный долг, который надо выплатить, облагая налогами одну группу в пользу другой, реальность этого бремени завуалирована фразой "мы должны сами себе"; если правительство призывает человека в армию или бросает его в тюрьму за его политические взгляды, то "он сам с собой так поступил" и поэтому ничего страшного не произошло. Если следовать этой логике, тогда евреи, убитые нацистским правительством, не были убиты; вместо этого они,

должно быть, "совершили самоубийство", так как они были правительством (которое было демократически избрано) и поэтому всё, что с ними сделало правительство, было добровольно с их стороны. Казалось бы, нет необходимости это обсуждать, однако подавляющее большинство людей подвержено этому заблуждению в большей или меньшей степени.

Поэтому нам следует подчеркнуть, что "мы" — не правительство, а правительство — не "мы". Правительство никоим точным образом не "представляет" большинство народа.¹

[1] Мы не можем в этой главе обсуждать множество проблем и заблуждений "демократии". Достаточно сказать, что истинный агент или "представитель" всегда должен подчиняться приказам этого индивида, может быть уволен в любое время и не может действовать вопреки интересам и желаниям своего руководителя. Ясно, что "представитель" при демократии никак не может выполнять таких агентских функций, единственно совместимых с либертарным обществом.

Но даже если бы оно и представляло, даже если 70 процентов народа решило бы убить остальные 30 процентов, всё равно это было бы убийством, а не добровольным самоубийством со стороны истребленного меньшинства.² Никакой органической метафоре, никакой бессмысленной банальности вроде "мы все часть друг друга" не следует позволять затмевать этот основополагающий факт.

[2] Социал-демократы часто отвечают, что демократия — избрание правителей большинством — логически подразумевает, что большинство должно предоставлять определённые свободы меньшинству, так как меньшинство может однажды стать большинством. Помимо прочих недостатков, этот аргумент не верен в тех случаях, когда меньшинство не может стать большинством, например, когда меньшинство принадлежит к иной расовой или этнической группе.

Если государство — не "мы", если оно — не "человеческая семья", собирающаяся вместе для обсуждения общих проблем, если это не профсоюзное собрание или загородный клуб, то что это? Вкратце государство — это организация в обществе, которая стремится поддерживать монополию на использование насилия на определённой территории, в особенности, это единственная организация в обществе, которая получает свой доход не при помощи добровольных взносов или платежей за оказанные услуги, а при помощи принуждения. В то время как другие индивиды или институты получают доход посредством мирной и добровольной продажи товаров и услуг другим, государство получает доход, используя принуждение, то есть угрожая тюрьмой и штыком.³

Используя насилие для получения дохода, государство обычно на этом не останавливается и регулирует и диктует остальные действия своих подданных. Можно подумать, что простое наблюдение всех государств в истории и по всему миру может служить достаточным доказательством этих суждений; однако, туман мифов так долго скрывал деятельность государства, что существует необходимость в разъяснении.

[3] Джозеф Шумпетер, Капитализм, социализм и демократия, Joseph A. Schumpeter, Capitalism, Socialism, and Democracy (New York: Harper and Bros., 1942), p. 198.

Трения, или антагонизм, между частной и государственной сферами усилились, сначала благодаря тому, что ... государство жило на доход, который производился в частной сфере для частных целей и должен был быть отвлечён от этих целей при помощи политической силы. Теория, которая истолковывает налоги по аналогии с клубными взносами или как покупку услуг, скажем, врача, доказывает только, как

далека эта область общественных наук от научных привычек ума.

Также см.: Мюррей Ротбард, Заблуждения “общественного сектора”, Murray N. Rothbard, “The Fallacy of the ‘Public Sector,’”

New Individualist Review (Summer, 1961): 3ff.

ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВО

Человек нагим приходит в этот мир и нуждается в применении разума, чтобы научиться использовать ресурсы, данные ему природой, и трансформировать их (например, путем инвестирования в "капитал") в формы, состояния и среды, где ресурсы могут быть использованы для удовлетворения его желаний и улучшения его жизненных стандартов. Единственным способом этого добиться для человека является использование своего разума и

энергии для трансформации ресурсов ("производство") и для обмена получившихся продуктов на продукты, созданные другими. Человек обнаружил, что благодаря процессу добровольного, обоюдовыгодного обмена производительность и, следовательно, жизненные стандарты всех участников обмена могут чрезвычайно повыситься. Единственным "естественным" способом для человека выжить и достичь достатка, таким образом, является использование своего разума и энергии для участия в процессе производства и обмена. Он это делает, сначала обнаружив ресурсы, а затем трансформировав их ("смешав с ними свой труд", по выражению Локка), для того, чтобы сделать их своей личной собственностью, а затем обменять эту собственность на схожим образом приобретённую собственность других. Естественный путь, диктуемый требованиями человеческой природы, таким образом, — это путь "прав собственности" и "свободного рынка" — обмена или дарения этих

прав. На этом пути люди научились избегать пещерных методов борьбы за редкие ресурсы так, что А может их получить только за счет Б и, напротив, чрезвычайно умножать эти ресурсы в мирном и гармоничном производстве и обмене.

Великий немецкий социолог Франц Оппенгеймер отметил, что существуют два взаимоисключающих способа обрести богатство; первый — вышеуказанный способ производства и обмена — он назвал "экономическим способом". Другой способ проще и не требует производительности; это способ захвата товаров и услуг других людей при помощи насилия. Это метод односторонней конфискации или кражи собственности других людей. Это метод, который Оппенгеймер назвал "политическим методом" обретения богатства. Должно быть ясно, что мирное использование разума и энергии для производства — это "естественный путь" человека: средство его выживания и процветания на этой

земле. Точно также должно быть ясно, что принудительный, экспроприационный путь противоречит естественному закону; он паразитический, так как вместо прибавки производства он его снижает. "Политический способ" перекачивает производство в пользу паразитической и разрушительной личности или группы; и такое перераспределение не только уменьшает количество произведенного, но также снижает стимул производителя производить помимо собственного пропитания. В конечном итоге, грабитель уничтожает собственные средства к существованию, истощая или уничтожая источники своего обеспечения. Но это не всё, даже в краткосрочной перспективе хищник действует вопреки собственной человеческой природе.

Теперь мы можем более полно ответить на вопрос: что такое государство? Государство, по словам Оппенгеймера, — это "организация политических

методов"; это систематизация хищнических процессов на данной территории.⁴

[4] Франц Оппенгеймер, Государство, Franz Oppenheimer, The State (New York: Vanguard Press, 1926) pp. 24 –27:

Существуют два фундаментально противоположных способа, в соответствии с которыми человек, нуждающийся в пропитании, стремится приобрести необходимые средства для удовлетворения своих желаний. Это работа и грабёж, собственный труд и насильственное завладение трудом других... Я предлагаю в последующем обсуждении называть собственный труд и эквивалентный обмен своего труда на труд других "экономическим способом" удовлетворения нужд, в то время как безвозмездное завладение трудом других называть "политическим способом". ...

Государство, таким образом, не может появиться на свет, пока экономическим способом не будет создано определённое количество объектов для удовлетворения нужд, которые могут быть отобраны или присвоены при помощи воинственного грабежа.

Ведь преступность спорадична и непостоянна; паразитизм недолговечен, и основанный на принуждении и паразитизме образ жизни может быть прерван в любой момент из-за сопротивления жертв. Государство предоставляет законный, упорядоченный и систематический канал для расхищения частной собственности; оно предоставляет паразитической касте общества надёжный, безопасный и сравнительно "мирный" канал снабжения.⁵

[5] Альберт Джей Нок точно написал:

"Государство заявляет право и использует монополию на преступление. ... Оно запрещает частные убийства, но само организовывает убийства в колоссальных масштабах. Оно наказывает частные кражи, но само накладывает свои руки без разбору на всё, что пожелает, будь то собственность своих граждан или иностранцев."

Нок, По поводу правильного поведения и другие сочинения, Nock, On Doing the Right Thing, and Other Essays (New York:

Так как производство должно всегда предшествовать расхищению, свободный рынок древнее государства. Государство никогда не создавалось через "общественный договор"; оно всегда рождалось через завоевание и эксплуатацию. Классическая парадигма состояла в том, что племя завоевателей прекращало свой проверенный временем метод грабежа и истребления завоёванного племени, сообразив, что можно грабить дольше, надёжнее и в более приятной обстановке, если завоёванному племени позволить жить и производить, а при этом завоеватели поселятся среди них как правители, вымогая постоянную ежегодную дань.⁶

Harper and Bros., 1929), p. 143; процитировано в: Джек Шварцман, Альберт Джей Нок — избыточный человек, Jack Schwartzman, "Albert Jay Nock – A Superfluous Man," Faith and Freedom (December, 1953): p. 11.

Один из методов зарождения государства может быть описан следующим образом: на холмах южной Руритании группе бандитов удаётся установить физический контроль над территорией и, наконец, главарь банды объявляет себя "Королем суверенного

[6] Оппенгеймер, Государство, Oppenheimer, The State, p. 15:
"Что же тогда государство как социологическая концепция?"

Государство полностью в своём происхождении ... является социальным институтом, навязанным группой победителей группе побеждённых с единственной целью обеспечения доминирования победителей над побеждёнными и обезопасить себя от бунта внутри и атаки извне. Телеологически, это доминирование не имело никаких других целей, кроме экономической эксплуатации покорённых победителями".

А де Жувенель написал: "Государство, по сути, — результат успеха, достигнутого группой разбойников, которые навязали себя небольшим, обособленным сообществам".
Бертран де Жувенель, О власти, Bertrand de Jouvenel, On Power (New York: Viking Press, 1949), pp. 100–01.

и независимого правительства Южной Руритании"; и если он и его люди обладают силой для поддержания такого правления в течение некоторого времени — о чудо! — новое государство присоединилось к "семье народов", и прежние лидеры бандитов превратились в законную знать королевства.

КАК ГОСУДАРСТВО ЗАЩИЩАЕТ СЕБЯ

Как только государство образовалось, перед правящей группой или кастой возникает проблема — как сохранить власть.⁷ Хотя насилие — это их образ действия, основная и долговременная

[7] О ключевом отличии между "кастой", группой с привилегиями или тяготами, насильно предоставленными или наложенными государством, и марксистской концепцией "классов" в обществе см.: Людвиг фон Мизес, Теория и история, Ludwig von Mises, Theory and History (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1957), pp. 112ff.

проблема — идеологическая. Для пребывания у власти любое правительство (а не только "демократическое" правительство) должно обладать поддержкой большинства своих подданных. Следует отметить, что такая поддержка не обязательно должна быть в форме активного энтузиазма; вполне достаточно пассивного смирения как перед неизбежным законом природы. Но поддержка в смысле определённого рода принятия необходима; иначе меньшинство государственных правителей будет, в конце концов, пересилено большинством общества. Так как хищничество должно поддерживаться избытком производства, по необходимости верно то, что класс, составляющий государство, — ни чем иным не занятая бюрократия (и знать) — должен составлять достаточно ограниченное меньшинство в стране, хотя, конечно, они могут купить союзников среди важных групп населения. Поэтому главным заданием правителей всегда является обеспечение активной или смиренной поддержки большинства граждан.⁸⁹

[8] Такая поддержка, конечно, не означает, что государство стало "добровольным"; так как, даже если большинство поддерживает активно и охотно, эта поддержка не является единогласной.

[9] То, что каждое правительство, независимо от степени его "диктаторства" по отношению к человеку, должно заручиться такой поддержкой, было продемонстрировано такими политическими теоретиками, как Этьен де ла Боэти, Дэвид Юм и Людвиг фон Мизес. Например, сравните: Дэвид Юм, Из первичных принципов правительства, в Сочинениях, литературных, моральных и политических, David Hume, "Of the First Principles of Government," in *Essays, Literary, Moral and Political* (London: Ward, Locke, and Taylor, n.d.), p. 23; Этьен де ла Боэти, Анти-диктатор, Étienne de la Boétie, *Anti-Dictator* (New York: Columbia University Press, 1942), pp. 8–9; Людвиг фон Мизес, Действия людей, Ludwig von Mises, *Human Action* (Auburn, Ala.: Mises Institute, 1998), pp. 188ff.

Более полно о вкладе в анализ государства ла Боети см.: Оскар Ясзи и Джон Льюис, Против тирана, Oscar Jaszi and John D. Lewis, *Against the Tyrant* (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1957), pp. 55–57.

Конечно, один из методов обеспечить поддержку — создание корыстных экономических интересов. Поэтому король не может править сам; он должен иметь значительную группу последователей, обладающих привилегированным положением, например, членов государственного аппарата, таких как бюрократия и признанная знать.¹⁰

Однако, это обеспечивает только небольшое количество страстных сторонников, и даже жизненно важная покупка поддержки при помощи субсидий и предоставления других привилегий всё

[10] Ла Боэти, Анти-диктатор, *La Boétie, Anti-Dictator*, pp. 43–44.

Всякий раз, когда правитель становится диктатором ... все, кто испорчен жгучими амбициями или чрезвычайной алчностью, все они окружают и поддерживают его, с тем, чтобы получить долю при дележе добычи и стать мелкими князьками при большом тиране.

же не позволяет получить согласия большинства. Для этого большинство следует убедить при помощи идеологии, что их правительство доброе, мудрое и, во всяком случае, оно неизбежно, зато уж конечно лучше, чем любая мыслимая альтернатива. Распространение этой идеологии среди народа — жизненно важная социальная задача "интеллектуалов". Ведь массы не создают собственных идей и не продумывают эти идеи независимо; они пассивно следуют идеям, которые приняты и распространяются сообществом интеллектуалов. Интеллектуалы, таким образом, являются "скульпторами общественного мнения". А так как именно в формировании общественного мнения отчаянно нуждается государство, становится ясной основа векового альянса государства и интеллектуалов.

Очевидно, что государство нуждается в интеллектуалах; не так очевидно, почему

интеллектуалы нуждаются в государстве. Проще говоря, мы можем утверждать, что благосостояние интеллектуала при свободном рынке всегда непрочное; ведь интеллектуал должен полагаться на ценности и вкусы массы своих сограждан, а для масс характерно именно общее равнодушие к интеллектуальным вопросам. Государство, с другой стороны, охотно предлагает интеллектуалам прочное и постоянное место в государственном аппарате; и, тем самым, надежный доход и престиж. Ведь интеллектуалы будут щедро вознаграждены за важную функцию, которую они выполняют для государственных правителей, к которым они теперь сами и принадлежат.¹¹

[11] Это ни в коем случае не означает, что все интеллектуалы заключили союз с государством. Касательно аспектов сотрудничества интеллектуалов и государства см.: Бертран де Жувенель, Отношение интеллектуалов к рыночному обществу, Bertrand de Jouvenel, "The Attitude of the Intellectuals to the Market Society," *The Owl* (January, 1951): 19–27; тот же

Альянс между государством и интеллектуалами проявился в страстном желании профессоров Берлинского университета в девятнадцатом столетии сформировать группу "интеллектуальных телохранителей дома Гогенцоллернов". В наши дни следует обратить внимание на откровенное замечание влиятельного ученого-марксиста, касающееся критического исследования восточного деспотизма профессором Виттфогелем: "Цивилизация, которую профессор Виттфогель

автор, Лечение капитализма континентальными интеллектуалами, "The Treatment of Capitalism by Continental Intellectuals," в книге под редакцией Ф. Хайека, Капитализм и историки, F.A. Hayek, ed., Capitalism and the Historians (Chicago: University of Chicago Press, 1954), pp. 93–123; перепечатано в книге Жоржа де Узара, Интеллектуалы, George B. de Huszar, The Intellectuals (Glencoe, Ill.: The Free Press, 1960), pp. 385–99; а также Шумпетер, Империализм и общественные классы, Schumpeter, Imperialism and Social Classes (New York: Meridian Books, 1975), pp. 143–55.

подверг таким горьким нападкам, сделала поэтов и учёных чиновниками".¹² Мы можем также отметить многочисленные примеры развития "науки" стратегии, которая состоит на службе у

[12] Джозеф Нидхэм, Обзор восточного деспотизма Карлом Виттфогелем, Joseph Needham, "Review of Karl A. Wittfogel, Oriental Despotism," Science and Society (1958). Нидхэм также пишет, что "череди [китайских] императоров служила на протяжении всей жизни великая компания глубоко гуманных и бескорыстных ученых. Виттфогель указывает на конфуцианскую доктрину, согласно которой слава правящего класса покоится на знатных учёных — бюрократах и чиновниках, обречённых быть профессиональными правителями, диктующими народным массам. Карл Виттфогель, Восточный деспотизм, Karl A. Wittfogel, Oriental Despotism (New Haven, Conn.: Yale University Press, 1957), pp. 320–21. Противоположная точка зрения представлена в: Джон Лукекс, Интеллектуальный класс или интеллектуальная профессия?, John Lukacs, "Intellectual Class or Intellectual Profession?", в книге де Узара, Интеллектуалы, de Huszar, The Intellectuals, pp. 521–22.

вооружённых сил, основной ветви правительства, которая осуществляет насилие.¹³ Почтенной профессией, помимо прочего, является занятие официального или "придворного" историка, посвящённое распространению взглядов правителя на деяния его и его предшественников.¹⁴

[13] Жанна Рибс, Разработчики войны, Jeanne Ribs, "The War Plotters," Liberation (August, 1961), p. 13: "стратеги настаивают, что их профессия заслуживает «уважения как академический аналог военной профессии»", см. также: Маркус Раскин, Великая смерть интеллектуалов, Marcus Raskin, "The Megadeath Intellectuals," NewYork Review of Books (November 14, 1963): 6–7.

[14] Например, историк Коньерс Рид (Conyers Read) в своём обращении к президенту выступал за замалчивание исторических фактов с целью служения "демократии" и национальным ценностям. Рид провозгласил, что "всеобщая война, неважно, холодная или жаркая, призывает всех и взывает ко всем внести свой вклад. Историк не более

Аргументы, при помощи которых государство и его интеллектуалы побудили своих подданных поддерживать их правление, многочисленны и разнообразны.

свободен от этого долга, чем физик". Рид, Социальная ответственность историка, Read, "The Social Responsibilities of the Historian," *American Historical Review* (1951): 283ff. Критику Рида и других аспектов придворной истории см. в: Говард Биль, Профессиональный историк: теория и практика, Howard K. Beale, "The Professional Historian: His Theory and Practice," *The Pacific Historical Review* (August, 1953): 227–55. Также: Герберт Баттерфилд, Официальная история: подводные камни и критерии, Herbert Butterfield, "Official History: Its Pitfalls and Criteria," *History and Human Relations* (New York:Macmillan, 1952), pp. 182–224; также: Гарри Элмер Барнз, Придворные историки против пересмотров, Harry Elmer Barnes, *The Court Historians Versus Revisionism* (n.d.), pp. 2ff.

В основном, составляющие этих аргументов можно обобщить следующим образом:

(а) государственные правители — великие и мудрые люди (они "правят по божественному праву", они "аристократы" среди людей, они "научные эксперты"), гораздо выше и мудрее своих хороших, но простоватых подданных, и

(б) власть правительства неизбежна, абсолютно необходима и намного лучше, чем неопишуемые несчастья, которые разразятся после его падения. Союз церкви и государства был одним из древнейших и наиболее успешных из этих идеологических приёмов. Правитель был либо миропомазанником божьим, либо, как в случае многих восточных деспотий, сам был богом; поэтому любое сопротивление его правлению было богохульством. Государственные жрецы выполняли

основную функцию интеллектуалов — обеспечения поддержки и даже поклонения народа.¹⁵

Другой успешный приём — внушить страх альтернативной системы правления или отсутствия правления. Поддерживалось мнение, что нынешние правители предоставляют гражданам жизненно необходимую услугу, за которую они должны быть чрезвычайно благодарны — защиту от случайных грабителей и преступников. Государство, защищая собственную монополию на хищничество,

[15] Ср. Витфогель, Восточный деспотизм, Wittfogel, *Oriental Despotism*, pp. 87–100.

О противоречивых ролях религии в отношении Государства в древнем Китае и Японии см.: Норман Якобс, Происхождение современного капитализма и Восточная Азия, Norman Jacobs, *The Origin of Modern Capitalism and Eastern Asia* (Hong Kong: Hong Kong University Press, 1958), pp. 161–94.

действительно, заботится о том, чтобы свести к минимуму частный и не систематический грабёж; государство всегда ревностно относилось к своим охотничьим угодьям. Особенно успешно в течение последних веков государство внушало страх перед правителями других государств. Так как поверхность земного шара была распределена между государствами, одной из основных доктрин государства было отождествление себя с территорией, которой оно управляло. Так как большинство людей склонны любить свою родную землю, отождествление этой земли и её народа с государством стало средством заставить естественный патриотизм работать на пользу государству. Если "Руритания" была атакована "Валдавией", главной задачей государства и его интеллектуалов было убедить народ Руритании, что атака направлена именно на них, а не просто на правящую касту. Таким образом, война между правителями была превращена в войну между народами, каждый народ защищал своих

правителей, ошибочно полагая, что это правители защищают их. Этот приём "национализма" был успешен только у западной цивилизации и только в последние столетия; не так давно основная масса подданных считала войны битвами между различными наборами знати, не имеющими к ним отношения.

Идеологическое оружие, применяемое государством в течение столетий, изощрённо и многообразно. Отличным оружием является традиция. Чем дольше государству удавалось сохранять своё правление, тем мощнее это оружие; так как теперь династию X или государство Y поддерживает вес вековых традиций.¹⁶

[16] Де Жувенель, О власти, De Jouvenel, On Power, p. 22:

Существенной причиной к повиновению является то, что оно стало привычкой нашего рода. ... Власть для нас — факт природы. С ранних дней записанной истории она всегда

Почитание предков, таким образом, становится изошрённым средством почитания древних владык. Наибольшую опасность для государства представляет независимая интеллектуальная критика; нет лучшего способа подавить такую критику, чем объявить любой одинокий голос, любого высказывающего сомнения, как нечестивого нарушителя мудрости предков. Ещё одно мощное идеологическое средство — осуждать индивидуальное и превозносить коллективизм общества. Так как каждое правление подразумевает согласие большинства, то идеологическая опасность

руководила судьбами людей. ... Власти, правившие [обществом] в прежние времена исчезли, но оставили своим преемникам свою привилегию, а также оставили отпечатки в умах людей, имеющие накопительный эффект. Последовательность правительств, которые столетиями правят одним и тем же обществом, можно рассматривать как, по сути, одно и то же правительство, как некий ствол дерева, на котором нарастают годовые кольца.

такому правлению может проистекать первоначально только от одной или нескольких независимо мыслящих личностей. Новая идея, не говоря уже о новой критической идее, по необходимости, зарождается как особое мнение меньшинства; поэтому государство должно подавить такие взгляды в зародыше, высмеивая любые взгляды, идущие вразрез с мнением масс. "Слушай только своих братьев" и "приспосабливайся к обществу" становятся, таким образом, идеологическим оружием для подавления индивидуального несогласия.¹⁷ Благодаря таким мерам, массы никогда не узнают об отсутствии у короля одежды.¹⁸

[17] О таких способах использования религии в Китае см.: Норман Якобс, в разных местах вышеуказанной книги.

[18] Л. Менкен, А. Менкен, Хрестоматия Менкенов, H.L. Mencken, A Mencken Chrestomathy (New York: Knopf, 1949), p. 145:

Так же важно для государства, чтобы его власть казалась неизбежной; даже если его правление и недолюбливают, с ним пассивно смиряются, что выражено в знакомой фразе про "смерть и налоги". Один из методов — внедрять историографический детерминизм, в противовес личной свободе воли. Если династия X правит нами, то это оттого, что Неумолимые Законы Истории (или Божья Воля, Абсолют, Производственные Силы) постановили так, и никакие усилия жалкого индивидуума не

Всё, что [правительство] видит в оригинальной идее — это потенциальные перемены, то есть покушение на свои привилегии. Наиболее опасным человеком для любого правительства является человек, способный решать сам за себя, не обращая внимания на господствующие предрассудки и табу. Почти неизбежно он приходит к выводу, что его правительство бесчестно, безумно и невыносимо, и тогда, если он романтик, то он пытается это изменить. И даже если он сам не романтик, он отлично распространяет недовольство среди романтиков.

смогут изменить это неизбежное установление. Так же важно для государства прививать своим подданным отвращение ко всякого рода "теориям заговора в истории", так как поиск "заговоров" означает поиск мотивов и установление ответственности за исторические злодеяния. Если, однако, любая тирания государства, коррупция или агрессивная война были вызваны не государственными правителями, а таинственными и загадочными "общественными силами", или общим несовершенством мира, или если каким-то образом все несут ответственность ("Мы все убийцы", как заявлял один лозунг), тогда нет смысла людям возмущаться или восставать против таких злодеяний. Более того, атака на "теории заговора" означает, что подданные станут легче верить в доводы "общественного блага", всегда выдвигаемые государством, как оправдание любым своим деспотическим действиям. "Теория заговора" может пошатнуть систему, побуждая общественность сомневаться в государственной пропаганде.

Ещё один проверенный и верный метод подчинить подданных воле государства — вызвать чувство вины. Любой рост частного благосостояния можно подвергнуть критике как "бессовестную жадность", "материализм" или "чрезмерный достаток", получение прибыли можно обозвать "эксплуатацией" и "ростовщичеством", обоюдovýгодный обмен осуждать как "эгоизм" и, каким-то образом, из этого всегда делается вывод, что больше ресурсов надо перекачать из частного в "общественный" сектор. Чувство вины побуждает людей именно так и поступать. Ведь в то время как частные лица склонны предаваться "эгоистичной жадности", неспособность государственных правителей вступать в честный обмен должна указывать на их приверженность более высоким и благородным целям — видимо, паразитическое хищничество морально и эстетически куда благороднее, чем мирный производительный труд.

В настоящее более мирское время божественное право государства уступило место новому богу — Науке. Власть государства теперь объявляется ультранаучной, так как её планируют эксперты. И хотя к "разуму" взывают чаще, чем в предыдущие столетия, речь идёт не о разуме человека или об осуществлении им своей свободы воли; это всё те же старые коллективистские и детерминистские речи, всё так же подразумевающие всеобщую уравниловку и насильственное манипулирование правителями пассивными подданными.

Всё более широкое использование научного жаргона позволило государственным интеллектуалам сплести сеть хитроумных оправданий для государства, которые были бы выставлены на посмешище в более простые времена. Вор, оправдывающий кражу, говоря, что он на самом деле помог своим жертвам, так как его расходы активизируют торговлю, вряд ли бы кого-либо убедил; однако, когда эта теория

облачена в кейнсианские уравнения и снабжена впечатляющими ссылками на "эффект мультипликатора", она, к сожалению, выглядит более убедительно. Насилие над здравым смыслом продолжается, каждый век выполняет задачу по-своему.

Так как идеологическая поддержка жизненно необходима государству, оно должно стараться всё более и более убедительно доказывать общественности свою "законность", чтобы отмежеваться в своих действиях от простых бандитов. Неустанная решимость этой атаки на здравый смысл неслучайна, ведь, как живо описал Менкен:

обычный человек, каковы бы не были его ошибки в других областях, по крайней мере, явно считает правительство чем-то, что существует отдельно от него и от сообщества его собратьев — что это

отдельная, независимая и враждебная сила, только частично находящаяся под его контролем и способная нанести ему огромный вред. Не знаменателен ли тот факт, что воровство у государства повсеместно считается гораздо менее серьёзным преступлением, чем воровство у частного лица или даже у корпорации? ... За этим стоит, я считаю, глубокое чувство фундаментального антагонизма между правительством и управляемыми им людьми. Его воспринимают не как комитет граждан, избранных для управления общим предприятием всего населения, а как отдельную и автономную корпорацию, в основном, занимающуюся эксплуатацией населения к выгоде собственных членов. ... Когда грабят частного гражданина, достойный человек лишается плодов своей предприимчивости и бережливости; когда грабят правительство, то, в худшем случае, у горстки жуликов и дармоедов будет меньше денег на их прихоти. Идея о том, что они заслужили эти

деньги, не приходит никому в голову, для наиболее здравомыслящих она нелепа.¹⁹

[19] Там же, стр. 146–47.

КАК ГОСУДАРСТВО ПРЕОДОЛЕВАЕТ ОГРАНИЧЕНИЯ

Как мудро заметил Бертран де Жувенель (Bertrand de Jouvenel), за прошедшие столетия люди выработали концепции для проверки и ограничения власти Государства; в свою очередь, Государство, с помощью своих союзников интеллектуалов, сумело преобразовать эти концепции, одну за другой, в интеллектуальные штампы легитимности и добродетели для применения в своих указах и действиях. Изначально в Западной Европе концепция божественной власти предполагала, что короли могут править, лишь в соответствии с божественным законом; короли вывернули эту

концепцию наизнанку, превратив в штамп божественного оправдания всех королевских действий. Концепция парламентской демократии начиналась как народный контроль над монархическим правлением; а закончилась она парламентом, ставшим жизненно важной частью Государства и, во всех отношениях, полностью новым правителем. Как заключил де Жувенель:

Многие, кто писал по поводу теорий власти, сумели создать какой-нибудь ... ограничивающий механизм. Но, в конце концов, каждая такая теория, рано или поздно, теряла своё первоначальное назначение и начинала действовать как трамплин к Власти, получая могущественную поддержку какого-нибудь невидимого правителя, который, со временем, успешно себя с нею идентифицировал.²⁰

[20] Де Жувенель, О власти, De Jouvenel, On Power, pp. 27ff.

То же самое с более узкоспециализированными доктринами: "естественные права" индивида, закреплённые Джоном Локком и Биллем о правах, превратились в государственническое "право на работу"; прагматизм перевернул аргументы в защиту свободы в аргументы против сопротивления покушениям Государства на свободу и так далее.

Разумеется, самой амбициозной попыткой наложить ограничения на Государство стал Билль о правах (десять поправок), а также другие ограничивающие части Американской Конституции, в которых записанные ограничения на правительство стали фундаментальным законом, предназначенным для интерпретации судебной властью, предполагающейся независимой от других ветвей власти. Все американцы знают, как создание ограничений Конституцией неумолимо росло в течение последнего столетия. Но немногие были так же догадливы, как профессор Чарльз Блэк (Charles

Black), увидевший, что Государство в процессе этих изменений, во многом, трансформировало роль юридического анализа из ограничивающего механизма в просто ещё один инструмент обеспечения идеологической легитимности действий правительства. Поскольку юридическое признание "неконституционности" является могущес-твенным препятствием власти правительства, то явный или подразумеваемый вердикт "конституционности" стал могучим оружием воспитания общественного принятия всё растущей власти правительства.

Профессор Блэк начинает свой анализ с указания критической необходимости "легитимности" для выживания любого правительства; это узаконивание обозначает базовое принятие большинством правительства и его действий.²¹

[21] Чарльз Блэк, Народ и суд, Charles L. Black, Jr., *The People and the Court* (New York: Macmillan, 1960), pp. 35ff.

Признание легитимности стало особой проблемой в таком государстве, как Соединённые Штаты, где "независимые ограничения встроены в теорию, на которой основывается правительство". Всё, что нужно, как добавляет Блэк, — это способ, которым правительство может убедить общественность в том, что его растущая власть, в действительности, "конституционна". А это, как он заключает, и стало основной исторической функцией юридического анализа. Давайте позволим Блэку проиллюстрировать это:

Наивысший риск [для правительства] — это недовольство и возмущение, широко распространившиеся среди населения, а также потеря морального авторитета правительством как таковым, вне зависимости от того, как долго он сможет поддерживаться силой инерции или отсутствием привлекательной и немедленно доступной альтернативы. Практически все, кто

живёт под ограниченной властью правительства, рано или поздно подвергаются какому-нибудь правительственному действию, которое, в зависимости от частного мнения, человек воспримет как превышение полномочий или великодушно простит правительству. Мужчину призывают в армию, хотя в Конституции ничего не написано насчёт призыва. ... Фермеру говорят, сколько пшеницы ему выращивать; а он считает, — и, как он обнаруживает, некоторые уважаемые юристы тоже так считают, — что у правительства не больше прав говорить ему, сколько выращивать пшеницы, чем прав говорить его дочери, за кого ей выходить замуж. Человека отправляют в федеральное исправительное учреждение за то, что он сказал, чего хочет, и он меряет свою камеру шагами, читая вслух наизусть: ... "Конгресс не будет принимать законов, ограничивающих свободу слова". ... Бизнесмену говорят, о чём ему можно задавать вопросы, а о чём — нужно, чтобы получить остатки сливок.

Есть достаточно реальная опасность, что каждый из этих людей (а кто не из их числа?) сравнит концепцию ограничения правительства с реальностью (какую видит) вопиющего нарушения действующих ограничений и придёт к очевидному выводу относительно соответствия его правительства критерию легитимности.²²

Эта опасность предотвращается с помощью продвигаемой Государством доктрины, согласно которой есть лишь одно учреждение, которое должно иметь право решающего голоса в вопросах конституционности, а это учреждение, в конечном счёте, должно быть частью федерального правительства.²³

[22] Там же, стр. 42–43.

[23] Там же, стр. 52:

Основная и самая нужная функция [Верховного] Суда — это

Ведь, хотя кажущаяся независимость федеральной судебной власти и сыграла ключевую роль в восприятии её действий как добродетельного и святого Судебного Решения в глазах народных масс, также всегда верно и то, что судебная власть — это часть, притом небольшая, аппарата правительства, назначаемая исполнительной и законодательной властями. Блэк признаёт, что это означает, что Государство назначило само себя судьёй в своём деле, нарушив этим базовый юридический принцип, направленный на справедливость решений. Он

легализация, а не лишение законной силы. Что нужно правительству ограниченных возможностей, в начале и всегда, — так это способ успокоения граждан касательно того, что им были приняты все меры в пределах человеческих возможностей, чтобы оставаться в границах своих полномочий. Это условие его легитимности, а легитимность, в дальней перспективе, является условием его выживания. Суд же, в течение своей истории, действовал с целью легитимизации правительства.

бесцеремонно отвергает возможность какой-либо альтернативы.²⁴

[24] С точки зрения Блэка, это «решение», хоть и парадоксально, но жизнерадостно самоочевидно:

Предел власти Государства ... должен наступить там, где его установит закон. А кто установит этот предел, кто вынудит его соблюдать самую могучую силу? Ну как же, само Государство, конечно, с помощью судей и законов. Кто контролирует рассудительных? Кто обучает мудрых? (Там же, стр. 32-33).

А также:

Когда вопросы касаются власти правительства суверенной нации, невозможно найти арбитра, который вне правительства. Каждое национальное правительство, до тех пор пока оно правительство, должно иметь право окончательного решения по поводу собственной власти. (Там же, стр. 48-49)

Блэк добавляет:

*Задача, таким образом, состоит в том, чтобы разработать такой способ выработки правительственных решений, который [как предполагается] уменьшит до терпимого минимума интенсивность сопротивления тому факту, что правительство является судьёй в своём собственном деле. Решив эту задачу, вы можете лишь надеяться, что это сопротивление, пусть **теоретически всё равно сильное** [выделено мною], на практике потеряет достаточно сил, чтобы легитимизация работы принимающего решения института выиграла одобрение.²⁵*

[25] Там же, стр. 49.

В конечном счёте, Блэк решает, что установление справедливости и легитимности с помощью постоянного суждения Государством самого себя является "неким чудом".²⁶

[26] Приписывание чудес правительству напоминает оправдание правительства Джеймсом Бурнхэмом (James Burnham) с помощью мистицизма и иррациональности:

В древние времена, до того, как иллюзии науки затемнили традиционную мудрость, основатели городов были известны как боги или полубоги. ... Ни источник, ни оправдание власти не могут быть выражены полностью в рациональных терминах. ... Почему я должен принимать наследственный, демократический или любой другой признак легитимности? Почему какой-то принцип должен оправдывать правление данного человека надо мной? ... Что ж, я принимаю этот принцип. ... Принимаю потому, что жизнь такова и была такой. Джеймс Бурнхэм, Конгресс и американская традиция, James Burnham, *Congress and the American Tradition* (Chicago: Regnery, 1959), pp. 3–8.

Но что, если кто-то не примет этот принцип? Какова в таком случае «жизнь»?

Применяя этот тезис к знаменитому конфликту между Высшим судом и правительством "нового курса" Рузвельта, профессор Блэк тонко попрекает своих коллег, являющихся сторонниками Рузвельта, за их близорукость в осуждении юридического препятствия:

Стандартная версия истории, в которой были задействованы Высший суд и правительство "нового курса", хоть и по-своему точная, неверно расставляет акценты. ... Она концен-трируется на трудностях; она почти забывает о том, чем всё это закончилось. Конечным итогом этого дела было то, что [и я хочу это подчеркнуть], где-то через двадцать четыре месяца задержек ... Высший суд, без единого изменения в законах своего сочинения или, даже, в своём действующем составе, поставило одобрительный штамп легитимности на "новый курс" и всю новую концепцию правительства Америки.²⁷

[27] Блэк, Народ и суд, Black, The People and the Court, p. 64.

Таким способом Высший суд сумел поставить точку и подавить многочисленных амери-канцев, имевших сильные и основанные на Конституции претензии к "новому курсу".

Конечно, не все были удовлетворены. Бонни Принц Чарли (Bonnie Prince Charlie) со своим основанным на Конституции невмешательством государства в экономику (laissez-faire) по-прежнему волнует сердца немногих последователей в горах холерической оторванности от реальности.

Но больше нет существенных или опасных общественных сомнений в конституционной власти Конгресса поступать так, как он это делает, с национальной экономикой...

У нас не было других способов, кроме Высшего суда, обеспечить легитимность "нового курса".²⁸

[28] Там же, стр. 65.

Как признаёт Блэк, был один крупный теоретик политики, кто распознал — во многом, загодя, — зияющую дыру уязвимости в конституционных ограничениях на правительство, возникающую из-за возложения абсолютной власти интерпретации на Высший суд; это был Джон Колхаун (John C. Calhoun). Он не довольствовался "чудом" и провёл глубокий анализ конституционных проблем. В своём исследовании (Disquisition) Колхаун продемонстрировал внутреннюю тенденцию Государства прорываться сквозь ограничения такой Конституции:

Записанная Конституция имеет, разумеется, множество важных преимуществ, но будет огромной ошибкой предполагать, что лишь одного включения положений, предписывающих ограничивать и сдерживать власть правительства, без наделения тех, для защиты кого эти положения предназначены, способами принудить к их

выполнению [курсив мой], будет достаточно для предотвращения злоупотребления полномочиями сильной и доминирующей партией. Партия, контролирующая правительство, сможет, с помощью той же народной Конституции, делающей правительство необходимым для защиты общества, извлечь выгоду из власти, дарованной ей Конституцией, и будет противостоять ограничениям, предназначенным для её сдерживания. ... Меньшая или более слабая партия, напротив, пойдёт в противоположном направлении и будет рассматривать их [ограничения] как необходимые для её защиты против доминирующей партии. ... Но, пока нет способов, которыми они могут принудить главенствующую партию подчиняться этим ограничениям, единственным утешением для них будет буквальное толкование Конституции. ... На что главенствующая партия ответит более вольным толкованием. ... Толкование за толкованием — одно для сужения, а другое для расширения власти правительства до

максимальных пре-делов. Но каковы шансы буквального толко-вания слабой партии против вольного толкования сильной партии, если у сильной партии есть вся сила правительства для претворения своего толкования в действие, а у слабой партии нет способов навязать своё толкование? Результат такого неравного соперничества не вызывает сомнений. Главенствующая партия в интересах ограничений будет наделена повышенными полномочиями. ... В конце соперничества появится новая версия Конституции. ... Ограничения, в конце концов, будут сведены на нет, а правительство получит неогра-ниченную власть.²⁹

[29] Джон Колхаун, Исследование правительства, John C. Calhoun, A Disquisition on Government (New York: Liberal Arts Press, 1953), pp. 25–27.

Также ср.: Мюррэй Ротбард, Консерватизм и свобода: либертарный комментарий, Murray N. Rothbard, "Conservatism and Freedom: A Libertarian Comment," Modern Age (Spring, 1961): p. 219.

Одни из немногих политологов, кто оценил результаты анализа Конституции Колхауном, был профессор Аллен Смит (J. Allen Smith). Смит заметил, что Конституция была спроектирована с включением возможностей контроля и регулирования, ограничивающих власть любого правительства, а после чего был создан Высший суд с монополией на абсолютную власть интерпретации. Если федеральное правительство было создано для контроля за попытками вмешательства в права личности со стороны отдельных штатов, то кто должен контролировать федеральную власть? Смит отстаивал мнение, что идея контроля-и-регулирования, реализованная в Конституции, внутренне предполагала сопутствующее воззрение, что ни одной из ветвей власти не будет передана абсолютная власть интерпретации: «Народ предполагал, что новому правительству не будет разрешено определять границы собственных полномочий, поскольку в этом случае именно оно, а не Конституция, будет главенствовать».³⁰

Решением, предложенным Колхауном (и развитым в этом столетии такими авторами, как Смит), была, конечно, знаменитая доктрина «дружного большинства». Если некое влиятельное провинциальное меньшинство, к примеру правительство штата, считает, что федеральное

[30] Аллен Смит, Рост и упадок конституционного правительства, J. Allen Smith, *The Growth and Decadence of Constitutional Government* (New York: Henry Holt, 1930), p. 88.

Смит добавил:

Было очевидным, что там, где положение Конституции было создано с целью ограничения власти какого-нибудь государственного органа, оно могло быть эффективно аннулировано, если его интерпретация и реализация предоставлены тем властям, которых оно должно сдерживать. Очевидно, здравый смысл требовал, чтобы ни один орган власти не мог определять свои собственные полномочия.

Определённо, здравый смысл и «чудеса» диктуют совсем разные взгляды на правительство (с. 87).

правительство превышает свои полномочия и покушается на права этого меньшинства, то данное меньшинство имеет право наложить вето на применение этой власти, квалифицировав его как неконституционное. В применении к правительствам штатов эта теория вводила право «обнуления» федерального закона или регулирования в пределах юрисдикции штата.

Теоретически результирующая конституционная система должна была бы обеспечить, что федеральное правительство следит за тем, чтобы правительства отдельных штатов не нарушали права индивидов, а в то же время правительства штатов будут следить, не чрезмерна ли федеральная власть над индивидами. И тем не менее, хотя такие ограничения, без сомнений, были бы эффективней, чем существующие сейчас, с решением Колхауна связано много сложностей и проблем. Если и в самом деле группа подчинённых должна иметь

право вето в касающихся её вопросах, то зачем останавливаться на правительствах штатов? Почему бы не ввести право вето в округах, городах, городских районах? Далее, групповые интересы могут быть не только связаны с административной вертикалью, но и по профессиям, социальным группам и т.д. Как насчёт булочников, таксистов и представителей других профессий? Разве не следует предоставить им право вето касательно их жизни? Это приводит нас к важному заключению, что теория обнуления ограничивает свой контроль только подразделениями самого правительства. Давайте не будем забывать, что федеральное правительство и правительства штатов вместе со всеми сопутствующими ветвями — это всё ещё государство, движимое государственными интересами, а не интересами отдельных граждан. Что помешает применить систему Колхауна наоборот, когда правительства штатов осуществляли бы тиранию над своими гражданами и с помощью вето мешали бы федеральному правительству в его

попытках остановить такую тиранию? Или как насчёт молчаливого согласия правительств штатов с федеральной тиранией? Что помешает федеральному правительству и правительствам штатов заключить взаимовыгодные союзы для совместной эксплуатации граждан? И даже если бы частные группировки по профессиям получили бы некую форму «функционального» представления в правительстве, что помешает им использовать Государство для получения субсидий и прочих особых привилегий для себя или что запретит им ввести принудительные картели для представителей своих профессий?

Коротко говоря, Колхаун не развил свою новаторскую теорию достаточно последовательно: он не продумал её вплоть до, собственно, индивида. Если, в конечном счёте, именно индивид является тем, чьи права должны быть защищены, то последовательная и согласованная теория дала бы

право вето каждому индивиду; это некий «принцип единства». Когда Колхаун писал, что «[правительство] не может начать или продолжать функционировать без дружного согласия всех», он, возможно неосознанно, пришёл именно к тому же выводу.³¹ Но такие рассуждения уводят нас далеко от нашей темы, поскольку далее на этом пути лежат политические системы, которые вряд ли вообще можно назвать «Государствами».³²

[31] Колхаун, Исследование правительства, Calhoun, A Disquisition on Government, pp. 20–21.

[32] В последние годы принцип единодушия испытал возрождение в очень сильно ослабленном виде, в особенности в сочинениях профессора Джеймса Бьюкенена (James Buchanan). Однако, введение принципа единодушия в настоящих условиях и применение его только к изменениям в статусе кво, а не к существующим законам, может привести лишь к тому, что концепция ограничения вновь превратится

Просто для примера, также как право обнуления для правительства штата логичным образом предполагает право отделения, так и право обнуления у индивида предполагало бы право любого индивида «выйти» из состава Государства, где он живёт.³³

в печать Государства. Если принцип единодушия применять лишь к изменениям в законах и указах, то всё зависит от природы исходной «начальной точки». См.: Джеймс Бьюкенен и Гордон Таллок, Методы расчёта согласия, James Buchanan and Gordon Tullock, *The Calculus of Consent* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962), в разных частях книги.

[33] См.: Герберт Спенсер, Право игнорировать государство, Herbert Spencer, "The Right to Ignore the State," in *Social Statics* (New York: D. Appleton, 1890), pp. 229–39.

Итак, Государство, как и всегда, показало поразительный талант к распространению своей власти сверх всяческих пределов, какие только могли бы на него быть наложены. Поскольку Государство необходимым образом живёт за счёт принудительной конфискации частного капитала, а стало быть, расширение его полномочий необходимым образом предполагает всё большее нашествие на индивидов и частные предприятия, то мы должны заключить, что Государство в глубинной своей сущности является антикапиталистом. В некотором смысле, наша позиция является противоположностью марксистского афоризма о том, что Государство — это «исполнительный комитет» правящего сегодня класса — в нашем случае, предположительно, капиталистов. Напротив, Государство — организация политических методов — состоит из и является источником этого «правлящего класса» (скорее, правящей касты), находясь в постоянной оппозиции истинно

частному капиталу. Таким образом, мы можем сказать вслед за Жувенелем:

Лишь те, кто не знает ничего ни о каких временах, кроме своего, те, кто абсолютно невежествен относительно манеры поведения Власти на протяжении тысячелетий, — лишь они будут считать эти действия [национализацию, налог на доходы и проч.] результатом некоего конкретного набора доктрин. На самом деле, это обычные проявления Власти, совсем не изменившие свою суть с времён конфискации монастырской собственности Генрихом VIII. Всё тот же принцип в действии; нехватка авторитета, жажда ресурсов; во всех этих действиях присутствуют всё те же признаки, включая быстрый карьерный взлёт тех, кто делит трофеи. Неважно, социалистическая или нет, Власть всегда должна быть в состоянии войны с капиталистическими лидерами и грабить у капиталистов их накопленные богатства;

*поступая так, она подчиняется законам своей природы.*³⁴

[34] Де Жувенель, О власти, De Jouvenel, On Power, p. 171.

ЧЕГО ГОСУДАРСТВО БОИТСЯ

Чего Государство боится превыше всего, так это, конечно, любая фундаментальная угроза его власти или существованию. Смерть Государства может произойти примерно двумя путями: (а) путём захвата другим Государством; (б) революционным переворотом, осуществлённым своими гражданами, — короче говоря, война или революция. Именно война и революция, эти две базовые угрозы, неизменно пробуждают в правителях государства максимум их усилий и максимум пропаганды среди граждан. Как уже говорилось, задействуются все средства для мобилизации людей на защиту Государства в твёрдом убеждении, что они защищают сами себя. Ошибочность этой идеи проявляется явно в обращении с теми

призывниками, что отказываются «защищать» себя и, поэтому, силой принуждаются к присоединению к военной банде Государства: не стоит даже упоминания то, что полностью запрещена «защита» против таких действий со стороны «их собственного» Государства.

Во время войны мощь Государства усиливается до максимума; под лозунгами «защиты» и «необходимости» может быть установлена такая тирания над обществом, какая вызвала бы открытое сопротивление в мирное время. Таким образом, война предоставляет множество преимуществ Государству; в самом деле, современные войны оставили враждовавшим народам неизменяемое наследство в виде увеличенной государственной нагрузки на общество. Более того, война предоставляет Государству заманчивые возможности захвата территорий, на которых можно установить монополию на применение силы.

Рэндолф Борн (Randolph Bourne), определённо, был прав, когда писал, что «война — это здоровье Государства», однако, для конкретного отдельного взятого Государства война может привести как к здоровью, так и смертельному ранению.³⁵

[35] Мы уже увидели, что для Государства существенна поддержка интеллектуалов, в том числе поддержка против двух наиболее опасных угроз. По поводу роли американских интеллектуалов во вступлении Америки в Первую Мировую Войну см.: Рэндолф Борн, Война и интеллектуалы, История словесного радикализма и другие сочинения, Randolph Bourne, "The War and the Intellectuals," in *The History of a Literary Radical and Other Papers* (New York: S.A. Russell, 1956), pp. 205–22.

Как утверждает Борн, обычным способом для интеллектуалов добиться поддержки для действий Государства является направление всех споров в границы основной государственной политики и препятствие любой фундаментальной или полной критике самой этой базовой основы.

Мы можем проверить гипотезу того, что Государство больше заинтересовано в защите себя, чем своих граждан, задав следующий вопрос: какие виды преступлений Государство преследует и наказывает более интенсивно — те, что против граждан, или те, что против него самого? Самыми опасными преступлениями в лексиконе любого Государства практически всегда являются не посягательство на права личности или частной собственности, а опасности его собственному счастливому существованию, например, государственная измена, дезертирство солдата к врагу, невступление в армию, захват власти или тайная организация, созданная с его целью, убийство правителей, а также экономические преступления против Государства, такие как фальшивомонетчество или уклонение от уплаты подоходного налога. Или сравните степень рвения, с каким будут преследовать человека, напавшего на полицейского, с тем вниманием, какое Государство уделяет напа-дению на обычного гражданина. И тем

не менее, парадоксальным образом, открыто объявленный Государством приоритет собственной защиты над защитой граждан мало кем воспринимается как несоответствие с его предполагаемым смыслом существования.³⁶

[36] Как говорит Менкен в своей неподражаемой манере:

Эта банда («эксплуататоры, составляющие правительство») практически иммунна к наказанию. Самые худшие их вымогательства, даже явно ради частной прибыли, не влекут никаких определённых наказаний по нашим законам. С первых дней Республики менее нескольких дюжин из них было подвергнуто импичменту и лишь несколько мелких и никому неизвестных подчинённых были заключены в тюрьму. Число человек, сидящих в Атланте и Ливенворте за бунт против вымогательств со стороны правительства, всегда в десять раз выше, чем число правительственных чиновников, осуждённых за угнетение налогоплательщиков ради собственной выгоды. (Менкен, Хрестоматия Менкена,

Mencken, A Mencken Chrestomathy, pp. 147–48)

Живое и развлекательное описание нехватки защиты индивида от покушений на его свободы со стороны его «защитников» читайте: Менкен, «Природа свободы» в «Предрассудки: избранное», H.L. Mencken, "The Nature of Liberty," in Prejudices: A Selection (New York: Vintage Books, 1958), pp. 138–43.

КАК ГОСУДАРСТВА ОТНОСЯТСЯ ДРУГ К ДРУГУ

Поскольку поверхность суши поделена между различными Государствами, межгосударственные отношения должны занимать немалое количество времени и энергии Государства. Естественное стремление любого Государства состоит в увеличении своего могущества; внешний способ добиться этого состоит в захвате территорий. Если эта территория обитаема и на ней уже есть какое-то Государство, то такое расширение предполагает непереносимый конфликт между правящими группами обоих Государств. На каждой отдельно взятой территории в конкретный период времени

только одна группа правителей может иметь монополию на насилие, а стало быть, полная власть над территорией для Государства X может быть получена лишь путём изгнания Государства Y. Война, хоть она и рискованна, всегда будет являться склонностью Государств, прерываясь периодами мира и сменой государственных альянсов и коалиций.

Мы уже рассмотрели, как «внутренние», или «домашние», попытки ограничить Государство на протяжении семнадцатого-девятнадцатого столетий оформились наиболее ярко в форме конституционализма. Их «внешним», или «заграничным», аналогом явилось развитие «международного права», в особенности, «законов войны» и «прав нейтральных стран».³⁷

[37] Следует это отличать от современного международного права, делающего акцент на максимизации воздействия войны с помощью таких концепций, как «коллективная безопасность».

Некоторые положения международного права первоначально были исключительно частными и выросли из потребности всех торговцев и купцов в защите их собственности и разрешении их споров. Примеры: морское право, торговое право. Но даже правила для государств появились сами по себе и не были навязаны неким международным супер-Государством. Целью «законов войны» было ограничение межгосударственного разрушения лишь самими органами Государства, таким образом защищая невинное «гражданское» население от массовой резни и военного истре-

бления. Цель развития прав нейтральных стран состояла в том, чтобы защитить частную гражданскую международную торговлю, даже с «вражескими» странами, от конфискации борющимися сторонами. Таким образом, общей целью было ограничить масштабы войн и, в частности, ограничить их разрушающее воздействие

на частных лиц, являющихся гражданами нейтральных стран, да и даже воюющих стран.

Правовед Виль (F.J.P. Veale) очаровательно описывает такой «цивилизованный способ ведения войны», быстро достигший расцвета в Италии пятнадцатого века:

зжиточные горожане и торговцы средневековой Италии были слишком заняты зарабатыванием денег и получением удовольствия от жизни, чтобы взять на себя все тяготы и опасности участия в войнах. Поэтому у них стала популярна практика найма солдат, чтобы те воевали за них; причём, будучи бережливыми деловыми людьми они увольняли наёмников сразу, как только могли обойтись без их услуг. Таким образом, в войнах воевали армии, специально нанятые для каждой военной кампании. ... Впервые военное дело стало

обоснованной и сравнительно безвредной профессией. Генералы того времени осуществляли боевые манёвры друг против друга, зачастую с непревзойдённым мастерством, однако в случае приобретения одним из них преимущества, его противник обычно либо сбегал, либо сдавался. Было принято правило, что город может быть разграблен, лишь если он оказал сопротивление: неприкосновенность всегда могла быть получена путём уплаты выкупа. ... Как естественное следствие, ни один город никогда не сопротивлялся; было очевидно, что правительство, слишком слабое для защиты своих граждан, лишалось их доверия. Граждане мало боялись опасностей войны, которые были заботой лишь профессиональных солдат.³⁸

[38] Виль, Вперёд к варварству, F.J.P. Veale, Advance to Barbarism (Appleton, Wis.: C.C. Nelson, 1953), p. 63. Аналогично, профессор Нэф пишет о войне Дона Карлоса, Практически полное отделение частных

гражданских лиц от государственных войн в Европе восемнадцатого столетия освещается Нэфом (Nef):

Даже почтовая связь не прерывалась надолго в военное время. Письма переправлялись без цензуры,

разразившейся в Италии между Францией, Испанией и Сардинией против Австрии в восемнадцатом столетии:

При осаде Милана союзниками, а также спустя несколько недель в Парме ... армии противников встретились в жестокой битве за пределами города. Ни в одном из этих случаев симпатии жителей не были существенно смещены в чью-либо сторону. Они лишь боялись, что войска любой из этих армий могут пройти сквозь ворота и начать грабить. Их страх оказался беспочвенным. В Парме граждане бегали на стены города, чтобы посмотреть битву на открытой местности внизу. [Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1950], p. 158.

Также см.: Хоффман Никерсон, Можем ли мы ограничить войну? Hoffman Nickerson, Can We Limit War? [New York: Frederick A. Stoke, 1934])

со свободой, поражающей ум человека двадцатого века. ... Представители двух воюющих наций при встрече разговаривали друг с другом, а когда не могли встретиться, то писали друг другу письма, не как враги, а как друзья. Вряд ли существовали современная точка зрения, что ... граждане каждой враждебной страны несут частичную ответственность за воинственные действия их правителей. А у воюющих правителей не было твёрдых намерений прекратить связи с гражданами противника. Старые инквизиторские методы шпионажа в применении к религиозному поклонению и верованиям исчезли, а применение какой-либо сравнимой инквизиции к политическим или экономическим взаимоотношениям даже не рассматривалось. Паспорта были изначально изобретены для обеспечения безопасного пропуски во время войны. В течение большей части восемнадцатого столетия редко бывало, чтобы европеец отказался от поездки в иностранную

*страну только потому, что она воюет с его собственной страной.*³⁹

С растущим восприятием торговли как полезной для обеих сторон, военное дело восемнадцатого века также уравнивалось значительными объёмами «торговли с врагом».⁴⁰

[39] Нэф, Война и человеческий прогресс, Nef, War and Human Progress, p. 162.

[40] Там же, стр. 161.

Аргументы в защиту торговли лидеров американской революции с врагом см. в: Джозеф Дорфман, Экономический разум в американской цивилизации, Joseph Dorfman, The Economic Mind in American Civilization (New York: Viking Press, 1946), vol. 1, pp. 210–11.

Здесь не требуется тщательно разъяснять, насколько далеко Государства вышли за рамки правил цивилизованного военного дела в этом столетии. В современную эпоху всеобщих войн, совмещённых с технологиями всеобщего уничтожения, сама идея ограничения войны аппаратом Государства выглядит даже более причудливой и устарелой, чем изначальная Конституция Соединённых Штатов.

Когда Государства не в состоянии войны, часто нужны соглашения для сведения конфликтов к минимуму. Одной из доктрин, завоевавших на удивление широкое признание, является провозглашаемая «святость международных договоров». Эту концепцию рассматривают как аналог «святости договора». Но у международного договора нет ничего общего с настоящими договорами. Договор передаёт определённым

точным образом права на частную собственность. Поскольку же правительство не «владеет» своей территорией ни в каком точном смысле, никакие заключённые им соглашения не даруют прав на собственность. Если, например, господин Иванов продаёт или передаёт свою землю господину Кузнецову, то наследник Иванова не может законным образом явиться к наследнику Кузнецова и заявить свои права на эту землю. Права собственности уже были переданы. Договор, заключённый старым Ивановым, автоматически связывает и молодого Иванова, потому что собственность старым Ивановым уже была передана; таким образом, у молодого Иванова нет права требовать собственность. Молодой Иванов может претендовать лишь на то, что он унаследовал от старого Иванова, а старый Иванов может завещать лишь ту собственность, которой он по-прежнему владеет. Но если в какой-то день правительство, скажем, Руритании будет принуждено или даже соблазнено взятками

правительством Валдавии отдать часть своей территории, то абсурдно заявлять, что правительства и жители этих двух стран теперь навеки лишены права требовать воссоединения Руритании в соответствии с принципами святости международного договора. Ни люди, ни земля северо-западной Руритании не принадлежат ни одному из правительств. Как естественное следствие, не может одно правительство связать мёртвой рукой из прошлого более позднее правительство путём международного договора. Революционное правительство, свергнувшее короля Руритании, также вряд ли может быть привлечено к ответственности за действия или долги того короля, поскольку такое правительство не является истинным «наследником» собственности своего предшественника, словно его дитя.

ИСТОРИЯ КАК СОРЕВНОВАНИЕ МЕЖДУ ВЛАСТЬЮ ГОСУДАРСТВА И ВЛАСТЬЮ ОБЩЕСТВА

Поскольку двумя основными и взаимоисключающими видами взаимоотношений между людьми являются мирное сотрудничество и принудительная эксплуатация, производство и хищничество, то история человечества, особенно экономическая история, может рассматриваться как соревнование между этими двумя принципами. С одной стороны, есть творческая производительность, мирный обмен и сотрудничество; с другой — принудительный диктат и хищнический интерес к тем социальным

отношениям. Альберт Джей Нок (Albert Jay Nock) удачно назвал эти две соперничающие силы: «общественная власть» и «власть Государства».⁴¹ Общественная власть это власть человека над природой, его сотрудничество в преобразовании ресурсов природы и понимании законов природы, для пользы всех участвующих индивидов. Общественная власть это власть над природой, стандарты жизни, достигнутые людьми во взаимовыгодном обмене. Власть Государства, как мы

[41] Рассмотрение концепций государственной власти и общественной власти см. в: Альберт Нок, Враг наш Государство, Albert J. Nock, *Our Enemy the State* (Caldwell, Idaho: Saxton Printers, 1946).

Также см.: Нок, Воспоминания лишнего человека, Nock, *Memoirs of a Superfluous Man* (New York: Harpers, 1943).

А ещё: Фрэнк Чодоров, Взлёт и падение общества, Frank Chodorov, *The Rise and Fall of Society* (New York: Devin-Adair, 1959).

уже видели, является принудительным и паразитическим захватом результатов этого производства — снятие сливок с общества для пользы непродуктивных (в действительности даже антипродуктивных) правителей. В то время как общественная власть — власть над природой, власть Государства — это власть над человеком. На протяжении истории производящие и творческие силы человека снова и снова создавали новые способы преобразования природы для блага человека. Это было во времена, когда общественной власти удавалось внезапно превозмочь власть Государства и степень вмешательства Государства в общество существенно снижалась. Но всегда, через большее или меньшее время, Государство проникало в эти новые области, чтобы вновь искалечить и отобрать общественную власть.⁴²

[42] Находясь в точке встречи потоков расширения и ограничения, Государство всегда заботится о том, чтобы захватить и удержать определённые жизненно важные

Если во многих странах Запада с семнадцатого по девятнадцатый век были времена растущей общественной власти и, как следствие, роста свободы, мира и материального благосостояния, то двадцатый век стал, в основном, веком, когда власть Государства вновь взяла верх — с соответствующим возвратом к рабству, войнам и разрушению.⁴³

«пункты управления» экономикой и обществом. Среди них: монополия на насилие, монополия на абсолютную юридическую власть, каналы коммуникации и транспорта (почта, дороги, реки, воздушные маршруты), система орошения в странах восточного деспотизма, а также образование — чтобы формировать мнения будущих граждан. В современной экономике критичным пунктом управления являются деньги.

[43] Этот паразитический процесс «навёрстывания» был почти открыто провозглашён Карлом Марксом, который считал, что социализм должен быть установлен путём захвата капитала, прежде накопленного при капитализме.

В этом столетии человеческая раса снова стоит перед лицом злобного правления Государства — Государства, ныне вооружённого плодами творческих сил человека, изъятыми и извращёнными для собственных нужд Государства. Последние несколько столетий были временами, когда люди старались наложить конституционные и прочие ограничения на Государство, но лишь узнали, что такие ограничения, как и все прочие попытки, не принесли успеха. Из всех многочисленных форм, какие государства принимали в разные века, из всех концепций и институтов, которые были перепробованы, ничто не преуспело в удержании Государства под контролем. Проблема Государства, очевидно, так же далека от решения, как и была всегда. Вероятно, следует произвести новые исследования, возможно ли вообще успешное и окончательное решение вопроса Государства.⁴⁴

[44] Конечно, одним из необходимых ингредиентов такого решения должно быть разделение союза интеллектуалов с

Государством, путём создания центров исследований и образования, независимых от власти Государства. Кристофер Досон (Christopher Dawson) заметил, что великие интеллектуальные течения Возрождения и Просвещения стали возможны благодаря работе вне укоренившихся университетов, а часто и вопреки им. Эти научные сообщества новых идей установились благодаря независимым покровителям. См. Кристофер Досон, Кризис западного образования, Christopher Dawson, The Crisis of Western Education, New York: Sheed and Ward, 1961.

ORIGINAL (ENGLISH):

MURRAY ROTHBARD

THE ANATOMY OF THE STATE

<http://mises.org/library/anatomy-state>

© LUDWIG VON MISES INSTITUTE

LICENSE: CC-BY

TRANSLATION:

© KNIVY, АНАРХИСТ ИВАНОВ, JANTRA, NM
REALNAME, KARBOFOSS80.

<http://translatedby.com/you/the-anatomy-of-the-state/into-ru/trans/>

"Анатомия государства" – небольшое произведение Мюррея Ротбарда, которое когда-то вышло в составе сборника, а в настоящее время распространяется самостоятельно.

Автор отстаивает позицию, что государство – это группа людей, узурпировавших право на принуждение в сообществе. Подобно тому, как бандиты "крышуют" платящих им дань, так и государство защищает подданных, которых оно само же облагает налогами и принудительным трудом, например, призывом в армию.

МЮРРЕЙ РОТБАРД

Американский философ и экономист, ввел в употребление термин анархо-капитализм

Опытные политологи, несомненно, найдут множество нестыковок и необоснованных заявлений, но прочитать "Анатомию" все же стоит: в отличие от других политических трудов она легка в прочтении и понимании.

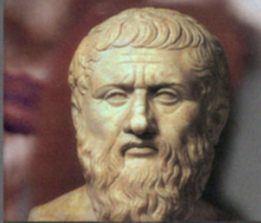
Серия книг ВЕЛИКИЕ ФИЛОСОФЫ

КЕК МАКСИМУС

ЦАРСТВО
ХАОСА

ПЛАТОН

ГОСУДАРСТВО

МЮРРЕЙ РОТБАРД

АНАТОМИЯ
ГОСУДАРСТВА